

Е.О. Нидергаус

РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?

В статье рассматриваются основные риски трансформации академической среды. К основным рискам автором отнесены стереотипные представления о российской академической среде, такие как «поседение» профессорско-преподавательского состава – риск недостаточности трудовых ресурсов, феминизация образования – риск гендерного перекося, падение качества российской науки и высшего образования – риск снижения конкурентоспособности на мировом научно-образовательном рынке. Дается оценка степени влияния данных рисков на процесс трансформации академической среды на основе статистических и аналитических данных.

Изложены опасения структурированы автором по обозначению причин их вызывающих – на объективные и субъективные, по оценке дефицитности ресурсного обеспечения преобразований, по низким оценкам потенциала профессорско-преподавательского состава университетов. Социальная общность университетских преподавателей является активной ресурсной составляющей трансформационных процессов и, одновременно, основным фактором, способным препятствовать успешной реализации процессов трансформации.

К основным рискам, таким как невысокий ресурсный потенциал социально-профессиональной общности преподавателей для успешной реализации трансформационных процессов, чаще всего относят прогрессирующие процессы «поседения» университетских преподавателей, процессы их феминизации, снижение их научной конкурентоспособности на мировом научно-образовательном рынке.

Ключевые слова: *академическая среда, трансформация, инновационный потенциал, преподаватели, гендер, качество российского образования, предпринимательский университет.*

В среде исследователей проблем высшего образования не стихают дебаты о необходимости трансформации академической среды, о возможности и содержании академической автономии университетов в условиях снижения государственного финансирования высшего образования, о назревшей потребности в гибком управлении академическими структурами и о ряде иных, не менее острых проблем [1–4].

Нет среди исследователей единства мнений и в обозначении сути назревших изменений. Идет ли речь о развитии, реформировании, модернизации или трансформации образовательной среды? На наш взгляд, определение структурных, институциональных перемен, происходящих в университетской среде, имеющих необратимый характер и образующих определенное состояние перехода в новое качество на пути формирования будущей модели, термин «трансформация» представляется более убедительным [5–7].

© Нидергаус Е.О., 2017

Нидергаус Елена Олеговна – старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, ФГОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru.

Выявляя и обосновывая причины происходящих трансформационных процессов глобальной академической среды, исследователи ссылаются на мировые тенденции сокращения численности обучающегося контингента, новые требования рынка труда, возрастающую роль цифровой передачи информации и массовизацию высшего образования [8].

Идея трансформации не нова, эти процессы с определенной периодичностью повторяются начиная с их возникновения в Средневековье и до перехода к классическому Гумбольдтовскому университету. Современный этап трансформации, переход от классического университета к предпринимательскому иногда характеризуют как формирование модели «академического» капитализма [9].

Характеризуя общие особенности трансформации социальных процессов, исследователи выделяют такие их закономерности, как неустойчивость, нелинейность, неопределенность пути и результата процессов трансформации, возможность негативных социальных последствий перемен, риск недостаточной мотивации участников, риск дефицита необходимых для преобразований ресурсов.

Проблема дефицита качественных человеческих ресурсов, необходимых для преобразования российской академической среды, а именно «поседение» профессорского-преподавательского состава, снижение инновационного потенциала и конкурентоспособности российских университетских ученых и преподавателей на мировом научно-образовательном рынке, феминизация преподавательского состава, часто оценивается как одно из основных возможных препятствий или барьеров на пути успешной трансформации университета [10].

Другими словами, по мнению ряда исследователей, преобразования реализовывать некому и количественно и качественно [1].

Насколько обоснованы эти опасения? Каково их влияние на результат трансформации?

Изложенные опасения можно структурировать по обозначению причин, их вызывающих, – на объективные и субъективные, по оценке дефицитности ресурсного обеспечения преобразований, по низким оценкам потенциала профессорско-преподавательского состава университетов. Социальная общность университетских преподавателей является как активной ресурсной составляющей трансформационных процессов, так и основным фактором, способным препятствовать успешной реализации процессов трансформации.

К основным рискам, таким как невысокий ресурсный потенциал социально-профессиональной общности преподавателей для успешной реализации трансформационных процессов, чаще всего относят прогрессирующие процессы «поседения» университетских преподавателей, процессы их феминизации.

низации, снижение их научной конкурентоспособности на мировом научно-образовательном рынке.

Постараемся оценить данные риски последовательно. Наиболее существенным, с нашей точки зрения, является риск «старения», или «поседения» академического сообщества. Десять лет назад 53,3 % доцентов были в возрасте старше 50 лет, а 56,8 % профессоров имели возраст старше 60 лет [11]. Вместе с тем начиная с 2007 года в академической среде происходят существенные изменения, позволяющие говорить о своеобразном «омоложении» состава преподавателей высшей школы.

Для обоснования этого утверждения был проведен анализ статистики преподавательского состава российских университетов. Все преподаватели вузов условно были поделены на три возрастные группы: «молодые», чей возраст не превышает 35 лет, «зрелые» – возрастная категория от 36 до 55 лет, и «передающие опыт» – старше 56 лет. По данным Института социологии РАН и Центра социального прогнозирования и маркетинга 2015 года [12], основная масса (42,2 %) преподавателей вуза – сотрудники «зрелого», «золотого» возраста от 36 до 55 лет, имеющие необходимый опыт и достаточную работоспособность. Доля «молодых» (до 35 лет) составляет 20 %. По-прежнему высок, но существенно меньше, по сравнению с 2007 годом, удельный вес категории сотрудников в возрасте старше 56 лет (37,8 %).

Анализ только возрастной структуры нельзя считать достаточным для окончательного вывода о существовании высоких рисков для реализации трансформационных изменений академической среды. Для более точной диагностики логично наряду с возрастом рассмотреть опыт работы, поскольку стаж работы является одним из общностнообразующих, квалификационных критериев преподавательского сообщества.

Основная доля сотрудников приходится на преподавателей, чей стаж работы превышает 20 лет. С одной стороны, это показатель качества, чем больше стаж работы, тем большая интеграция в социально-профессиональную общность и тем выше лояльность сотрудников к своей профессии. Но с другой стороны, это показатель, характеризующий наличие устоявшихся стереотипов профессиональной деятельности.

Наименьшие доли приходятся на преподавателей со стажем работы до 3 лет и от 3 до 5 лет. Присовокупив к этим данным предыдущие показатели численности молодых преподавателей (в возрасте до 35 лет), можно согласиться с утверждением о существовании проблем воспроизводства профессорско-преподавательского состава.

Причинами неполного воспроизводства численности научно-педагогических работников являются высокие барьеры вхождения в профессию. Подобными барьерами, на наш взгляд, являются снижающийся престиж профессии преподавателя российского университета, неконкурентоспособность профессии на рынке труда.

Объективной причиной оттока молодежи из академической сферы служит тенденция сокращения численности преподавательского состава по демографическим причинам, сокращение числа студентов. К субъективным причинам неполного воспроизводства ППС можно отнести, по нашему мнению, высокие требования к качеству «входящего трудового ресурса» (молодых сотрудников) и при этом невысокий (в сравнении с другими отраслями экономики) уровень вознаграждения за труд, нестабильность социального статуса, обусловленная заключением срочных трудовых договоров. Проблема «входа в профессию» преподавателя университета может рассматриваться с двух точек зрения, поскольку в выполнении академической общности участвуют две стороны. С одной стороны, молодые сотрудники и их нежелание входить в данную общность, а с другой – также и нежелание общности принимать молодых сотрудников.

Вторая по численности – это группа преподавателей со стажем работы в университете от 10 до 15 лет, третья – со стажем работы 5–10 лет. Можно считать, что именно они обеспечивают устойчивость и стабильность социально-профессиональной общности. В то же время именно данной возрастной группе придется нести на себе основной груз проблем и последствий трансформационных изменений.

Существует расхожее мнение о том, что внедрение новой модели управления университетом сопровождается сокращением численности преподавателей университета. По данным Института социологии РАН, в 2016 году наблюдается сокращение численности ППС. Эта тенденция не нова, она взяла свое начало в 2011 году и постепенно набирает обороты, к 2019 году падение составит 22,6 % по сравнению с 2010 годом [12, с. 177]. Аналогичная ситуация наблюдается и с численностью самих вузов, их численность к 2018/19 учебному году должна сократиться на 21,3 % по сравнению с 2010/11 учебным годом [12, с. 185].

Являются ли указанные процессы следствием происходящих процессов институционального преобразования университетов и вызваны попытками внедрения предпринимательской модели управления университетами?

Данных, указывающих на непосредственное (прямое) влияние внедрения предпринимательской модели управления университетами на численность ППС, нет. Далеко не каждый российский вуз внедряет данную модель, а тенденция сокращения является общероссийской и не зависит от конкретно региона или вуза. Тенденция сокращения численности ППС обусловлена прежде всего сокращением численности обучающегося контингента как следствие «демографической ямы». В 2018/19 учебном году численность студентов будет на 26,7 % меньше, чем в 2010/11 [12, с. 164]. Статистических данных, подтверждающих или оправдывающих опасения научно-педагогических работников относительно сокращения их численности в зависимости от внедрения новой модели управления университетом, нет.

Еще одно распространенное суждение о гендерном перекосе в российской академической среде как своеобразном препятствии успешной ее трансформации. Феминизация образования оценивается как признак снижения качества, потенциала преподавательского сообщества. Отрицать преобладающую численность женщин в системе образования и науки, в частности в системе высшего образования (в академической среде), нет смысла, но так ли уж критичен этот перекося? Можно ли его рассматривать в качестве риска для трансформации академической среды? Гендерный перекося – это специфика не только сферы высшего образования, но и многих других отраслей экономики, для которых характерен низкий уровень оплаты труда [13].

По данным Госкомстата, численность женщин, занятых в сфере высшего образования, в 2015 году составила 57 %, в 2010 году – 56 %, так что говорить о критических темпах феминизации сферы высшего образования нет оснований [14].

Если сравнить гендерный перекося в академической среде России с мировыми показателями, то также нет данных, подтверждающих риск трансформации института высшего образования из-за преобладания женского труда. Процесс феминизации в масштабах мира измеряется индексом гендерного разрыва¹. По данным исследования Всемирного экономического форума, Россия находится на 75-м месте в рейтинге среди 144 стран. Для сравнения, на первом месте в данном рейтинге находится Исландия с индексом в 0,874 [15]. Данный индекс показывает «доступность» и «равенство» гендеров, но не характеризует качество их труда. Объективных данных, указывающих на более низкое качество женского труда по сравнению с мужским, нет, есть лишь догадки, предположения и стереотипы.

Не менее известный стереотип о снижении инновационного потенциала и конкурентоспособности российских ученых и преподавателей на мировом научно-образовательном рынке, понижение качества образования и российской науки в целом. Определение качества образования требует анализа множества характеристик, это и конкурентоспособность науки в мировом сообществе, и конкурентоспособность выпускников на рынке труда и ряд других. Это большой и многогранный аспект, требующий глубокого анализа не только статистических данных, но и экспертных оценок. С одной стороны, инновационный потенциал ученых можно рассматривать как составляющую социального потенциала и измерять по качественным характеристикам структуры профессорско-преподавательского состава. С другой стороны, можно определить место российской науки, используя наиболее доступные

¹ Индекс измеряет уровень гендерного разрыва, который существует в тех или иных странах между женщинами и мужчинами по 14 показателям, в России он в 2015 году составлял 0,691.

показатели, такие как рейтинг цитирования, сумма затрат на развитие науки, доля расходов на НИОКР в общем объеме ВВП.

По данным из доклада ЮНЕСКО, Россия в 2013 году занимала 7-е место по общим затратам на исследования и развитие науки [15]. Сумма затрат на развитие науки в РФ за 2013 год превысила 40 млн долл. Для сравнения, лидер рейтинга – США потратили в 10 раз больше средств. По данному показателю нас обогнали Китай, Япония, Германия, Южная Корея и Франция.

Более корректным показателем считается доля расходов на НИОКР в общем объеме ВВП. По этому показателю Россия занимает 25-е место с показателем 1,13 %, на первом месте находится Израиль с показателем 4,21 %. В отчете также отмечается снижение количества фундаментальных исследований в России с 25,7 % в 2008 году до 17,4 % в 2013 году [15].

Среди самых цитируемых публикаций доля российских исследований составляет 3,8 %, а индекс цитируемости российских ученых составляет всего 0,51 при среднем показателе 1,02 среди участников G2². Доля российских публикаций в соавторстве с зарубежными партнерами составляет 33 % при среднем показателе 24,6 % по G20 [17].

Вывод напрашивается сам собой – стереотипные суждения о снижении качества российской науки не безосновательны. Подтверждением этой невысокой оценки можно считать выводы и положения Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [17]. При разработке данной Стратегии был проведен анализ российской науки и отмечена низкая современная эффективность внедрения научных разработок в практику, отсутствие результатов в виде действующих международных патентов. Основной целью Стратегии является как раз наиболее полное использование интеллектуального потенциала нации. Можно предположить, что потенциал, необходимый для реализации Стратегии и осуществления трансформационных процессов в академической среде, есть.

Инновационный потенциал, необходимый для реализации трансформационных изменений института высшего образования, возможно оценить с помощью анализа качественных характеристик профессорско-преподавательского состава. По данным Госкомстата, в 2015 году доля преподавателей высшей школы, имеющих ученую степень, составила 71 %, среди них доктора наук – 15 %, кандидата наук – 56 % [14]. А в 2010 году доля «остепененных» сотрудников составляла 64 %, среди которых докторов наук – 12 %, кандидатов – 52 %. Отмечается рост качества профессорско-преподавательского состава, и это несмотря на тенденцию к сокращению численности ППС, которая была уже отмечена.

² «Большая двадцатка» (The Group of Twenty, major advanced and emerging economies) – международное объединение, включающее в себя 20 государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о существовании выделяемых рисков, но при анализе данных и рассмотрении мнений различных исследователей данные риски не следует однозначно характеризовать как критические. Более того, по сравнению с предыдущими временными периодами можно говорить об определенном «омоложении» состава преподавателей высшей школы. В то же время говорить о полном нивелировании данного вида риска не стоит, так как по-прежнему сохраняется большая доля преподавателей пенсионного возраста.

Нет оснований рассматривать существование гендерного перекося как фактор риска успешной реализации перехода к предпринимательской модели университета. В то же время найдены научные и статистические данные, подтверждающие и объясняющие данный перекося. Наиболее сложным и неоднозначным для анализа представляется риск недостаточного инновационного потенциала академического сообщества. Нами выявлена обоснованность данных опасений, исходя из сравнительных характеристик положения российской науки на мировом уровне. В то же время, если мы говорим о инновационном потенциале как о риске трансформации, целесообразнее его оценить по формальным характеристикам, таким как наличие ученой степени и ученого звания, т.е. по тем составляющим, отсутствие которых могло бы затормозить процесс трансформации. По данным показателям фиксируется рост количества преподавателей с ученой степенью. При высоком уровне остротенности сотрудников высшей школы (71 %) можно говорить о наличии ресурса, способствующего успешной трансформации, присовокупив к этим данным численность молодых преподавателей без ученой степени, а также и о возможном потенциале.

Следует признать, что опасность влияния исследуемых рисков на результаты трансформации академической среды преувеличена.

Исследователи инноваций обосновали положение о двойном назначении выделяемых рисков, поскольку последние являются не только барьерами, но и активными факторами развития трансформационных процессов [18, 19]. Задача исследователей при анализе рисков трансформационных процессов заключается в преобразовании слабо контролируемых рисков в контролируемые, оценке степени влияния неконтролируемых рисков. Внедрение предпринимательской модели в академическую среду предполагает использование предпринимательского подхода к управлению университетом, согласно которому любой вид рисков должен анализироваться с точки зрения возможности управления им.

Статья подготовлена в рамках проекта № 15-03-00069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты», поддержанного РГНФ.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н. Трансформации академической автономии [Электронный ресурс] // Вопросы образования. – 2010. – № 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-akademicheskoy-avtonomii> (дата обращения: 12.12.2016).
2. Волосникова Л.М. Принципы академической автономии // Совет ректоров. – 2008. – № 9. – С. 7–25.
3. Ашеулова Н.А., Душина С.А. Академическая карьера ученого [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – 2013. – № 6. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013-6/Dushina_Ascheulova.pdf (дата обращения: 14.12.2016).
4. Ильиных С.А., Михайлова Е.В. Инновации в организациях: внедрение и сопротивление [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_6/Ilinykh.pdf (дата обращения: 14.12.2016).
5. Ламажаа Ч.К. Социальная трансформация [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 262–264. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-transformatsiya> (дата обращения: 15.12.2016).
6. Карташова А.А. Трансформация и деформация научного знания в связи с расширением научных подходов и методов [Электронный ресурс] // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – № 5. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-i-deformatsiya-nauchnogo-znaniya-v-svyazi-s-rasshireniem-nauchnyh-podhodov-i-metodov> (дата обращения: 09.01.2017).
7. Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета. – 2010. – 304 с. – URL: <http://portal.tpu.ru/science/konf/tspp/proceedings/сборник.pdf> (дата обращения: 09.01.2017).
8. Альтбах Ф.Дж. Массовизация высшего образования и глобальная экономика знаний: тянущиеся противоречия [Электронный ресурс] // Международное высшее образование. – 2015. – № 80. – С. 9. – URL: https://ihe.hse.ru/data/2015/05/14/1098556086/WHE_07_view.pdf (дата обращения: 12.01.2017).
9. Нефедова А.И. Университеты в стремлении к глобальному превосходству: [Рецензия на книгу: Münch R. Academic Capitalism: universities in the Global Struggle for Excellence. New York: Routledge, 2014] [Электронный ресурс] // Вопросы образования. – 2016. – № 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/university-v-stremlenii-k-globalnomu-prevoshodstvu-retsenziya-na-knigu-m-nch-r-2014-academic-capitalism-universities-in-the-global> (дата обращения: 13.01.2017).
10. Фисенко А.И., Омельченко Л.Ш. Предпосылки и направления трансформации высшего образования в условиях постиндустриального этапа развития России [Электронный ресурс] // Транспортное дело России. – 2011. –

№ 1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-napravleniya-transformatsii-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyah-postindustrialnogo-etapa-razvitiya-rossii> (дата обращения: 14.01.2017).

11. Юсипова Д.Р. Преподаватели российских вузов. Обзор материалов государственной статистики и мониторинга экономики [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208184667/10.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).

12. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года) / Ин-т социол. РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга. – М., 2015. – 270 с.

13. Панов А.М. Гендерный анализ российского рынка труда [Электронный ресурс] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-analiz-rossiyskogo-rynka-truda> (дата обращения: 28.01.2017).

14. Труд и занятость в России. 2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/IssWWW.exe/Stg/04-20.doc (дата обращения: 01.12.2016).

15. Доклад Всемирного экономического форума о гендерном разрыве 2016 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2016> (дата обращения: 29.01.2017).

16. Цесельский И. Место российской науки в мире [Электронный ресурс] // Профессионалы.ру. – URL: <https://professional.ru/Soobschestva/promyshlennost/mesto-rossijskoj-nauki-v-mire> (дата обращения: 27.01.2017).

17. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 27.01.2017).

18. Тоффлер Э. Третья волна. – М., 2002. – 781 с.

19. Штомпка П. Социология социальных изменений: пер. с англ. – М., 1996. – 416 с.

References

1. Abramov R.N. Transformatsii akademicheskoi avtonomii [Academic autonomy transformations]. *Voprosy obrazovaniia*, 2010, no. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-akademicheskoy-avtonomii> (accessed 12 December 2016).

2. Volosnikova L.M. Printsipy akademicheskoi avtonomii [Principles of academic autonomy]. *Sovet rektorov*, 2008, no. 9, pp. 7–25.

3. Asheulova N.A., Dushina S.A. Akademicheskaiia kar'era uchenogo [Academic career of a scientist]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2013, no. 6. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013-6/Dushina_Asheulova.pdf (accessed 14 December 2016).

4. Il'inykh S.A., Mikhailova E.V. Innovatsii v organizatsiakh: vnedrenie i soprotivlenie [Innovations in organizations: implementation and opposition]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, no. 6. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_6/Ilinykh.pdf (accessed 14 December 2016).

5. Lamazhaa Ch.K. Sotsial'naia transformatsiia [Social transformation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2011, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-transformatsiya> (accessed 15 December 2016).

6. Kartashova A.A. Transformatsiia i deformatsiia nauchnogo znaniia v sviazi s rasshireniem nauchnykh podkhodov i metodov [Transformation and deformation of scientific knowledge due to the expansion of scientific approaches and methods]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2015, no. 5. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-i-deformatsiya-nauchnogo-znaniya-v-svyazi-s-rasshireniem-nauchnykh-podkhodov-i-metodov> (accessed 09 January 2017).

7. Transformatsiia nauchnykh paradig i kommunikativnye praktiki v informatsionnom sotsiume [Transformation of scientific paradigms and communicative practices in the information society]. Tomsk, TPU Publ., 2010, 304 p. Available at: <http://por-tal.tpu.ru/science/konf/tspp/proceedings/sbornik.pdf> (accessed 09 January 2017).

8. Al'tbakh F.Dzh. Massovizatsiia vysshego obrazovaniia i global'naia ekonomika znani: tianushchiesia protivorechiia [Massification of higher education and the global economy of knowledge: growing contradictions]. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie*, no. 80, p. 9. Available at: https://ihe.hse.ru/data/2015/05/14/1098556086/WHE_07_view.pdf (accessed 12 January 2017).

9. Nefedova A.I. Universitety v stremenii k global'nomu prevoskhodstvu: Retenziia na knigu: Münch R. Academic Capitalism: universities in the Global Struggle for Excellence. New York: Routledge, 2014 [Universities in pursuit of global excellence: Book review: Münch R. Academic Capitalism: universities in the Global Struggle for Excellence. New York: Routledge, 2014]. *Voprosy obrazovaniia*, 2016, no. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/universitety-v-stremenii-k-globalnomu-prevoshodstvu-retsenziya-na-knigu-m-nch-r-2014-academic-capitalism-universities-in-the-global> (accessed 13 January 2017).

10. Fisenko A.I., Omel'chenko L.Sh. Predposylki i napravleniia transformatsii vysshego obrazovaniia v usloviakh postindustrial'nogo etapa razvitiia Rossii [Prerequisites and directions for higher education transformation in the context of post-industrial stage of Russia's development]. *Transportnoe delo Rossii*, 2011, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-napravleniia-transformatsii>

tsii-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyah-postindustrialnogo-etapa-razvitiya-rossii (accessed 14 January 2017).

11. Iusipova D.R. Prepodavateli rossiiskikh vuzov. Obzor materialov gosudarstvennoi statistiki i monitoringa ekonomiki [Russian university teachers. Review of the materials of state statistics and economic monitoring]. Available at: <https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208184667/10.pdf> (accessed 28 January 2017).

12. Chislennost' obuchaiushchikhsia, pedagogicheskogo i professorsko-prepodavatel'skogo personala, chislo obrazovatel'nykh organizatsii Rossiiskoi Federatsii (Prognoz do 2020 goda i otsenka tendentsii do 2030 goda) [Number of students, pedagogical and teaching staff, and educational organizations in the Russian Federation]. Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga. Moscow, 2015, 270 p.

13. Panov A.M. Gendernyi analiz rossiiskogo rynka truda [Gender analysis of the Russian labor market]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2014, no. 3, vol. 33. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-analiz-rossiiskogo-rynka-truda> (accessed 28 January 2017).

14. Trud i zaniatost' v Rossii [Labor and employment in Russia]. 2015, p. 123. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/IssWWW.exe/Stg/04-20.doc (accessed 01 December 2016).

15. Doklad Vsemirnogo ekonomicheskogo foruma o gendernom razryve 2016 god [Report of the World Economic Forum on the gender gap 2016]. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2016> (accessed 29 January 2017).

16. Tsesel'skii I. Mesto rossiiskoi nauki v mire [The place of Russian science in the world]. Available at: <https://professional.ru/Soobschestva/promyshlennost/mesto-rossijskoj-nauki-v-mire> (accessed 27 January 2017).

17. O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii. Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 No. 642 [On the strategy for scientific and technological development of the Russian Federation. Order of the President of the Russian Federation of 01.12.2016 No. 642]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (accessed 27 January 2017).

18. Toffler E. Tret'ia volna [Third wave]. Moscow, 2002, 781 p.

19. Sztompka P. The sociology of social change. 1993 [Russ. ed.: Shtompka P. Sotsiologiia sotsial'nykh izmenenii. Moscow, 1996, 416 p.].

Оригинальность 88 %

Получено 08.02.2017 Принято 09.03.2017 Опубликовано 30.09.2017

E.O. Nidergaus

THE RISKS OF ACADEMIC ENVIRONMENT TRANSFORMATION: MYTH OR REALITY?

The article considers major risks of academic environment transformation, which include stereotyped images of the Russian academic environment. They are “graying” of teaching staff, which represents the risk of workforce deficiency; feminization of education as a risk of gender imbalance; a decrease in the level of Russian science and higher education as a risk of losing the competitive edge in the global academic market. On the basis of statistical and analytical data the research evaluates the influence of the above mentioned risks on the process of academic environment transformation.

The author structures the concerns according to the reasons that cause them. They include the objective and subjective ones, such as the deficiency of transformation resources provision and the low teaching staff potential. The social community of university teachers appears both an active resource for transformation process and a major factor that prevents from its successful implementation.

The author concludes that major risks, such as low transformation resource potential of university teachers' social community, often include “graying” of teaching staff, as well as feminization and loss of competitive edge in the global academic market.

Keywords: academic environment, transformation, innovative capacity, teachers, gender, quality of Russian education, entrepreneurial university.

Elena O. Nidergaus – Senior Lecturer, Dept. of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru.

Received 08.02.2017

Accepted 09.03.2017

Published 30.09.2017